

СПЛЕТНИЧАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

© 2009 г. Д. С. Горбатов

Кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой психологии Международного института компьютерных технологий, Воронеж

Рассматриваются квалификационные критерии сплетничания. Предлагается определение данного феномена как разновидности оценочного взаимодействия. Обосновывается целесообразность применения микрогруппового подхода к анализу социальных функций сплетничания. Описываются функции взаимовлияния, информирования, социализации, самопрезентации, развлечения, интеграции.

Ключевые слова: сплетничание, социальные функции сплетничания, оценочное взаимодействие, неформальная коммуникация, декларация приверженности ценностям, микрогрупповой подход к анализу социальных функций.

Общественное сознание традиционно приписывает сплетням характеристики лживости, злонамеренности, своекорыстности, легковесности. Не случайно в словаре В.И. Даля зафиксировано как общеупотребительное такое значение: “пересказы и наговоры, смутки, перенос вестей из дому в дом, с пересудами, толками, прибавками”¹, а сплетник представлен как “нескромный пересказчик или смутник, смутчик, баламут, переносчик, заглазный пересудчик”². Тем не менее, следует признать, что, несмотря на отчетливо выраженную тенденцию к социальному осуждению, сплетничание как разновидность коммуникации имеет поистине повсеместное и повседневное распространение. Очевидно, что для этого должны быть весьма веские причины.

КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ КРИТЕРИИ СПЛЕТНИЧАНИЯ

Исходя из соображений социальной целесообразности феномена, большинство составителей его определений подчеркнуто избегают однозначно негативных коннотаций. Так, например, Г. Файн и Р. Росноу употребляют этот термин в значении передачи несущественных (часто тривиальных) новостей о ком-либо [14]. Э. Фостер уточняет, что это обмен приватной информацией оценочным образом об отсутствующих третьих лицах [16]. М. Ноун и Р. Делбридж описывают его как процесс сопряженного с оцениванием неформального обсуждения информации о членах соци-

ального окружения [23]. А по мнению А. Бен-Зе'ева, это сугубо праздная, беззаботная и расслабляющая коммуникативная деятельность, как правило, не ориентированная на получение значимых внешних результатов [7].

Разумеется, приведенный перечень не является исчерпывающим. Тем не менее, он дает возможность перечислить *основные квалификационные признаки сплетничания*, на протяжении более чем полувека устойчиво выделяемые в различных психологических, антропологических и социологических исследованиях:

- сосредоточенность общения на приватной сфере жизни;
- передача информации на правах новости;
- локализация обсуждаемых лиц пределами непосредственного социального окружения собеседников;
- отсутствие объектов обсуждения;
- праздность времяпровождения;
- неформальный характер коммуникации;
- оценивание действий или намерений объектов сплетни.

Заметим, что далеко не все названные признаки атрибутивны по своим проявлениям. Повседневный опыт подсказывает, что тематика сплетен подчас выходит за пределы собственно *приватной сферы*, касаясь не только личных дел и частной жизни той или иной персоны, но и, например, особенностей ее взаимоотношений с другими, вопросов профессиональной компетентности, деловой этики и др. Встречаются ситуации “перемывания косточек”, не содержащие в себе каких-либо *новостей*. Новые факты подчас с

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИИИНС, 1955. Т. 4. С. 292.

² Там же.

успехом заменяются уточненными интерпретациями, совместными воспоминаниями или прогнозами развития событий. В сплетнях, столь широко распространяемых в наше время СМИ, мы имеем дело не со знакомыми, а с известными лицами, т.е. не входящими в совокупность повседневных личных контактов читателей или зрителей, что, в свою очередь, позволяет поставить под сомнение вопрос о значимости *общего социального окружения собеседников*.

Однако признак *отсутствия объектов обсуждения*, по-видимому, является не только распространенным, но и неизменным. Бывают ситуации, когда негативная информация (например, в целях конфронтации или провокации) передается непосредственно перед лицом “мишеней”, исключение которых из общения часто моделируется избеганием контакта взглядов, понижением громкости голоса и иными способами демонстративного игнорирования [18]. Однако такие случаи следует, скорее, отнести к другим разновидностям коммуникативных взаимодействий, например, скандалу или ябедничеству.

Арибутивными, безусловно, являются проявления признака *праздности* времяпровождения. Трудно представить себе процесс распространения сплетен в ином ситуативном контексте. Как справедливо указали Р. Росноу и М. Джоргоуди, даже в тех случаях, когда скрытые мотивы или цель взаимодействия сторон крайне значимы, сплетничество неизменно сохраняет свой вид праздного взаимодействия [26].

Р. Росноу [28] описывает на правах самостоятельных характеристик сплетничания как данную ситуативную особенность коммуникации (праздность общения, отсутствие связи с текущей деятельностью), так и специфику обсуждаемой информации (избыточность, несущественность для решения актуальных проблем). Однако возникает вопрос, не являются ли данные характеристики взаимообусловленными? Ведь в той мере, в которой предметом обсуждения станет заведомо несущественная и не относящаяся к делу информация, само общение “автоматически” приобретет признак праздности. И напротив, стремление обеспечить отдых от той или иной деятельности естественным образом повлечет за собой соответствующий подбор обсуждаемых тем. Поскольку они предстают перед нами, скорее, как две стороны “одной медали”, нежели в качестве независимых друг от друга характеристик, считаем достаточным в дальнейшем ориентироваться на ту из них, которая имеет более широкое значение, т.к. относится к ситуации в целом, а не только к ее информационному аспекту.

Представляется целесообразным выделить в качестве самостоятельного такого признака, как *неформальный характер коммуникации*. Оче-

видно, что праздное времяпровождение может иметь место как среди лиц, общающихся в условиях сложившейся иерархической структуры отношений, так и у тех, кто взаимодействует вне нее. В этом плане даже минимальное участие в сплетничании становится общепринятым сигналом временной готовности к общению “без галстуков”, без учета различий в занимаемых социальных позициях. Так, Д. Эдер и Дж. Энке доказали, что если право на инициирование сплетен или на оспаривание негативной оценки объекта начинающегося обсуждения обычно сохраняется за лицами, имеющими достаточно высокий статус среди присутствующих, то продолжение и развитие подобной беседы осуществляется любыми представителями сообщества вне зависимости от их персонального положения в нем [11].

Проблематично представить сплетни без сколько-нибудь выраженного *оценивания* их “мишеней”. Тогда они превращаются в простой обмен фактами, что делает совершенно неоправданным столь категоричное неприятие их общественным сознанием. Другое дело, что внешнее выражение оценок обсуждаемых объектов нередко не имеет вербального характера, проявляясь в виде понимающих улыбок, обменов взглядами, многозначительных пауз, тех или иных изменений интонации, восклицаний, красноречивых жестов. Однако само наличие оценочных суждений представляется несомненным.

Определяя оценочный компонент как весьма существенный для понимания природы сплетен, рассмотрим его основные трактовки.

Согласно одной из них, базирующейся на теории социального сравнения Л. Фестингера, выбор объекта для оценивания детерминирован стремлением индивида к получению информации от своего социального окружения [13]. Как указывают С. Верт и П. Сэйлоуей, для переживания чувств морального превосходства, самодовольства, презрения в качестве “мишени”, скорее всего, окажется избранным лицо, заведомо уступающее в выраженности оцениваемых качеств [30]. Подобное социальное сравнение будет более безопасным и показательным. Если же сплетник стремится, скажем, к самосовершенствованию, объектом для сравнения станет тот, кто заметно превосходит его по тем или иным качествам. Это позволит, с одной стороны, получить необходимые для достижения успеха сведения, а с другой – выразить чувства негодования, зависти и ревности в социально не поощряемой, но, в принципе, допустимой форме, т.е. в форме сплетен.

Иная, более распространенная интерпретация оценочного компонента сосредоточена на аспектах установления несоответствия поведения “мишени” значимым для собеседников стандартам. По мнению Р. Росноу, та или иная история может

быть квалифицирована как сплетня не потому, "...что она является верной или ложной, но вследствие того, что, являясь легковесной и несущественной на одном уровне, она заслуживает серьезного восприятия, так как имеет дело с моральным или нормативным характером или качеством" [27, с. 211]. Нравственные принципы, социальные традиции, культурные ценности, групповые нормы — вот те субъективные ориентиры, на которые полагаются собеседники, оценивающие свои объекты. Парадокс в том, что феномен, осуждаемый с точки зрения общественной морали и социокультурных традиций, в свою очередь, предполагает строгое осуждение нарушений поведенческих норм и попыток игнорирования значимых ценностей.

Уточним, что совместное обсуждение неких "мишеней", осуществляемое сплетниками, невозможно без опоры на единую или, по крайней мере, значительно совпадающую у разных лиц оценочную шкалу. Другими словами, существует "запас разделенного знания, который индивиды используют, когда взаимодействуют друг с другом" [32, с. 194]. В него могут входить конкретные сведения из истории взаимоотношений членов сообщества, что помогает собеседникам согласованно интерпретировать косвенные оценки, легкие намеки, неоднозначные комментарии. Но следует признать, что сплетничество нередко объединяет и лиц, не связанных прежде социальным окружением, скажем, пациентов в палате или попутчиков в поезде. Поэтому более существенной и даже неперенной представляется другая составляющая — разделяемая субъектами оценивания базовая информация о поведении одобряемого и неприемлемого. Именно она образует совпадение полюсов оценочной шкалы при формулировании суждений о других, становясь тем фундаментом, на котором выстраиваются все беседы такого рода.

Сообщая о нарушении тем или иным лицом групповых норм, инициатор сплетничания одновременно совершает, как минимум, три действия, апеллирующие к упомянутому базовому знанию: 1) самим актом повторения истории сигнализирует, что воспринимает ее как существенную [6]; 2) различными невербальными средствами и сопутствующими словесными комментариями демонстрирует модальность и интенсивность своего отношения к произошедшему; 3) предъявляет определенные ожидания к реакциям слушателей. Все они содержат в своей основе предположение сплетника о совпадении его позиции с мнениями других. И когда он спрашивает собеседников о том, что те думают в том или ином случае, это предполагает неявное утверждение, что они не интерпретируют ситуацию иначе, чем он сам. Часто само базовое знание при этом подразумевается, но не высказывается. Это не случайно: подобная дополнительная деталь, с одной стороны,

призвана подчеркнуть высокую социальную компетентность инициатора сплетничания, для которого наличие и значение этого знания предельно очевидны, а с другой стороны — содержит в себе запрос к другим относительно осведомленности каждого в столь существенном для последующего взаимодействия с ними аспекте. Даже в том случае, когда происходит обсуждение не только факта нарушения кем-то норм, но и самих основополагающих норм, традиций и ценностей, подобный запрос сохраняет свою силу, касаясь степени правомерности включения данных лиц в сообщество оценивающих, а не оцениваемых, осуждающих, но не осуждаемых. При этом рассуждение движется по следующему руслу: "Мы знаем о том, что он поступил плохо. А вот думаешь ли ты также, как и мы, в этом еще предстоит разобраться..." И чем активнее и последовательнее тот или иной собеседник, осуждая отсутствующих других, демонстрирует искренность в групповых нормах или социальных установлениях, тем более отчетливо он сигнализирует присутствующим о своем праве находиться среди них. Напротив, отказ от совместного осуждения, воспринимаемый другими как следствие социальной некомпетентности или девиантности, сначала влечет за собой попытки переубеждения, а затем и исключение "недостойного" из состава сплетничающего сообщества с переводом его самого в разряд "мишеней" последующих коммуникативных взаимодействий.

Таким образом, характеризуя специфику реализации оценочного компонента сплетничания, необходимо принять во внимание то, что этот процесс является не только совместным, но и взаимно согласованным на всем своем протяжении. Действуя в условиях своеобразного испытания, когда косвенно проверяется приверженность каждого к разделяемому всеми знанию, сплетники приходят к тому, что Дж. Тернер именует "прототипной позицией группы", т.е. к той, "...которая наилучшим образом отражает то общее, что присуще членам одной группы и что отличает их от тех, кто находится вне группы" [3, с. 111]. Декларируемое сходство субъективных поведенческих стандартов собеседников становится весьма важным фактором их объединения в своеобразное замкнутое сообщество "искушенных экспертов" или "непогрешимых судей". При этом любой разговор о нарушении конкретным лицом социальных или групповых пределов дозволенного одновременно означает не только то, что присутствующие осведомлены относительно границ приемлемого поведения, но и то, что они признают особую важность их соблюдения и сами тщательным образом придерживаются их. "Мы лучше, чем они" — вот тот рефрен, который обычно сопровождает процесс заочного оценивания других.

С учетом сказанного, *сплетничество* можно определить как *неформальное оценочное взаимодействие в отношении отсутствующих лиц, протекающее в условиях праздного времяпрепровождения на основе декларации общей приверженности собеседников неким социальным установлениям и сложившимся групповым нормам*. Соответственно, *сплетни* являются результатами описанного процесса, устными или письменными сообщениями, сведениями, известиями.

В связи с дискуссионным характером предлагаемого определения сразу сделаем два существенных примечания.

Во-первых, мы предпочитаем говорить об *оценчивании* (оценочном взаимодействии), но не об *осуждении* (критической оценке) других лиц, находясь под влиянием сложившейся традиции разделения сплетен на категории “позитивных” и “негативных” [27], т.е. связанных с похвалой “мишени” или с ее обвинением [12]. Вместе с тем, соглашаясь с возможностью существования сплетен, абсолютно лишенных критического потенциала в отношении своих объектов, считаем спорными некоторые эмпирические данные [29], свидетельствующие о весьма значительном их распространении.

Во-вторых, сплетни, поступающие к читателям или зрителям посредством СМИ или со страниц художественных произведений, из кинофильмов и т.п., также могут рассматриваться как продукты *оценочного взаимодействия*. Другое дело, что последнее приобретает специфичный характер, а именно, становится опосредованным, заочным и процессуально не синхронизированным у различных участников. Ведь в той мере, в которой реципиенты разделяют оценки, поведенческие стандарты и эмоции коммуникаторов, а те, в свою очередь, ориентируются на предполагаемые реакции потенциальной аудитории, стороны уже вступают в некое условное взаимодействие.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СПЛЕТНИЧАННИЯ

В настоящее время для решения этой проблемы применяются два различных уровня анализа: групповой и индивидуальный.

На *групповом уровне* сплетничество воспринимается как один из распространенных способов саморегуляции того или иного сообщества для преодоления проблемных ситуаций и удовлетворения актуальных нужд. К примеру, с позиций функционализма М. Глакмен так определил предназначение сплетен: “Они очевидным образом поддерживают единство, нравы и ценности социальных групп. Кроме того, они позволяют этим группам удерживать под контролем конкурирующие клики и тех целеустремленных инди-

видов, из которых все эти группы состоят. И, наконец, они делают возможным протекание отбора лидеров без ненужного замешательства” [17, с. 308]. В свою очередь, Д. Джоунс, описывая сплетничество в рамках феминистического подхода, говорит о функциях “сохранения единства, морали и ценностей женщин как социальной группы” [20, с. 193], “создания общей картины мира посредством укрепления и оспаривания ограниченной женской роли” [там же, с. 195], а также “обеспечения взаимной поддержки ... комфорта, катарсиса и развлечения” [там же, с. 197].

Несмотря на определенные различия, в силу которых в одном из приведенных примеров при освещении функций доминируют тенденции осуществления социального контроля, а в другом – субкультурной идентификации, для них характерны сходные ограничения. В частности речь идет о том, что при групповом уровне анализа вне рассмотрения оказываются все те случаи, когда сплетни вольно или невольно способствуют процессам дезинтеграции сообщества, редукции групповых ценностей, падению престижа принадлежности к социальному объединению в результате интенсивной конкурентной борьбы индивидов [24]. Другими словами, односторонняя трактовка сплетничания как социально стабилизирующего и потому неизменно целесообразного коммуникативного феномена игнорирует его возможный разрушительный потенциал. Помимо этого добавим, что локализация функций сплетничания исключительно пределами группы никак не способствует распознаванию его роли в ситуациях взаимодействия представителей различных сообществ.

На *индивидуальном уровне* анализа изучение данного феномена ограничено контекстом получения тех или иных личных преимуществ наряду с другими людьми или в ущерб им. По итогам обстоятельного рассмотрения соответствующей научной литературы Э. Фостер [15] выделил четыре ведущие социальные функции сплетничания: информационную, развлечения, влияния и дружбы (близости). При этом проявления первой из них распространяются на все те случаи, в которых благодаря полученным сведениям “индивид составляет карту окружающей социальной среды” [19, с. 57]. Выделение функции развлечения обусловлено тем, что сам процесс является “явной забавой, которая для большинства сплетников объясняет их участие” [28, с. 31]. Третья функция оказывается связанной с осуществлением персонального контроля над информационными потоками, перераспределением их в целях собственной выгоды [27]. Наконец, последняя описывает процесс укрепления социальных связей как следствие совместных переживаний удовольствия от общения и удовлетворяемого при этом любопытства, возникновения чувства взаимного доверия при передаче конфиденциальных сведе-

ний, а также подтверждения сходства ценностных ориентаций [7].

К числу очевидных недостатков такого подхода в первую очередь следует отнести состояние “социального вакуума” вокруг сплетничающего индивида. Имеется в виду игнорирование как возможностей ближайшего окружения осуществлять контроль и применять санкции по отношению к нему, так и исторически сложившейся атмосферы общественного осуждения сплетен. Ведь известно, например, что заядлый сплетник зачастую теряет авторитет в глазах других, хотя максимальное осуществление им всех перечисленных функций, на первый взгляд, никак не должно приводить к подобному результату. Кроме того, представляется не вполне корректным анализировать деятельность, априори являющуюся всегда совместной, с сугубо индивидуальной точки зрения. В этом плане, по-видимому, правильнее говорить вслед за А. Бен-Зе'евом о *последствиях* сплетничания для того или иного индивида или *побочных продуктах* данного процесса [7, с. 14], но никак не о функциях.

Так как ни один из используемых уровней анализа не может считаться полностью правомерным, необходимо рассмотреть попытку их объединения. М. Ноун и Р. Делбридж в свое время предложили освещать проблему социальных функций данного вида коммуникации с позиций “индивидуума в группе” [23, с. 27] в целях компенсации ограничений, свойственных по отдельности каждому из рассмотренных уровней. Это создало предпосылки к эклектическому сочетанию всех ранее упомянутых функций. Однако возможность их анализа в рамках единого перечня оборачивается ориентацией исследователей одновременно на двух различающихся по своему “масштабу” субъектов коммуникативной деятельности, неоправданно рассматриваемых в качестве однородных.

Предлагая конкурирующее основание для классификации, будем исходить из того соображения, что акт сплетничания никогда не осуществляется индивидом вне социального окружения, наедине с собой, а также далеко не во всех случаях охватывает одновременно всю группу. Представляется обоснованным ориентироваться на наиболее распространенный субъект данного вида коммуникативной деятельности – *микрогруппу*, включающую на ограниченное время в свой состав двух или нескольких собеседников. Соответственно, речь идет о *диадах* и *кликках*.

Уточним, что последняя из упомянутых категорий применяется вне какого-либо оценочного контекста в значении, близком к предложенному Дж. Хомансом, который определил клику как подгруппу, характеризующую более частыми взаимодействиями в рамках той или иной социальной группы [2]. Во многом разделяя мнение ис-

следователей, считающих признак сравнительной частотности коммуникаций существенным для понимания природы сплетен [8], тем не менее, для упрощения анализа в дальнейшем будем исходить из критерия наличия, а не количества данных взаимодействий. Поэтому под кликой сплетников станем подразумевать нескольких лиц, занятых в тот или иной момент соответствующей коммуникативной деятельностью. Каких-либо иных отличий клики от диады, помимо числа взаимодействующих индивидов, при этом не предполагается.

Следует обратить внимание на то, что применение микрогруппового уровня анализа в отношении социальных функций сплетничания не ограничено изолированными друг от друга диадами и кликами, но, напротив, распространяется на все их множество, образующееся в пределах тех или иных групп в течение некоторого промежутка времени. При этом процесс распространения сплетен по группе в целом обеспечивается теми индивидами, которые последовательно входят в состав различных микрогрупп на время, достаточное для участия в неформальном оценочном взаимодействии.

В каждом случае привнесенный в новую микрогруппу в виде готовой сплетни результат предшествующего оценивания затем становится предметом повторного совместного обсуждения. Учитывая то обстоятельство, что итоги различных взаимодействий далеко не всегда будут совпадать в отличающихся по своему составу микрогруппах, мы получаем возможность вместо абстрактных по своему содержанию процедур группового контроля в дальнейшем рассматривать поведенческие стратегии кооперации или конкуренции диад и клик, а также отношения солидарности или оппозиции их оценочных суждений.

Обращение к микрогруппе как субъекту оценочной деятельности не является новым в исследованиях сплетен. К примеру, изучая закономерности их распространения в рамках сетевой теории, Р. Виттек и Р. Виелерс [31] использовали понятие *триады* для обозначения связи собеседников и обсуждаемой “мишени”. Н. Карленд и Л. Пеллед [21] при построении модели сплетничания на рабочем месте ориентировались исключительно на диадические взаимоотношения. Однако до настоящего времени перспективы указанного подхода применительно к аспекту социальных функций не анализировались.

Среди исследователей данного вида коммуникативной деятельности популярна шутка о том, что общее количество функций сплетничания в точности соответствует числу тех ученых, которые занимались этим вопросом. Преимущества микрогруппового подхода в большей степени заключаются в возможности последовательного

уточнения специфики проявлений уже известных социальных функций, чем в перспективах их количественного приращения. В качестве иллюстрации к выказанному тезису сопоставим материал из двух работ, выполненных в рамках эволюционного подхода, авторы которых выдвинули собственные предположения о причине закрепления сплетничания в социальном поведении, соответственно, основываясь при этом на индивидуальном или групповом уровнях анализа проблемы.

По мнению Дж. Бэркоу, определяющее значение имели личные интересы, так как новости и суждения о “родственников, конкурентах, помощниках и потенциальных помощниках, потомстве, партнерах по социальному обмену, [в том числе] и высокопоставленных” позволяли осуществлять управление “ресурсами, сексуальными действиями, рождениями и смертями, текущими союзами/дружбой, политической принадлежностью, здоровьем и репутацией партнеров” [5, с. 628]. Борьба за статус, авторитет, престиж и другие социальные преимущества побуждала конкурирующих индивидов влиять на представителей сообщества путем распределения информации между ними. Согласно Р. Данбару, возникновение сплетничания во многом было обусловлено групповыми целями, а именно, необходимостью установления социального контроля над лицами, чрезмерно руководствующимися своекорыстными интересами в ущерб другим [10]. Иначе говоря, сплетни стали неофициальным охранным устройством, направленным против “социальных безбилетников”, желающих получать блага без затрат, нарушителей собственных обязательств, норм группового кодекса поведения и требований общественной морали.

С позиций описанного выше подхода “индивидуума в группе” мы имеем дело с двумя принципиально различными функциями, выделяемыми на основе противопоставления частных и общих интересов. Можно ли утверждать, что последние, действительно, столь противоположны и несовместимы?

Начнем с того, что конкурентная борьба индивидов в данном случае связана с поиском единомышленников. Она неизменно осуществляется в условиях совместной декларации приверженности членов образующихся диад и клик принципам незыблемости базовых ценностей, социальной справедливости, отстаивания общей пользы и т.п. Задача микрогрупп сплетников как раз и состоит в том, чтобы, подчеркивая их значимость, предъявить свидетельства как собственного соблюдения этих принципов, так и их нарушения со стороны других. Сугубо эгоистичные стремления при этом тщательно маскируются, так как известно, что их демонстрация значительно уменьшает эффективность влияния [22]. Следует констати-

вать, что итогом отстаивания личных интересов подобным образом становится укрепление тех норм, ценностей и традиций всего сообщества, к которым апеллируют члены микрогрупп. В свою очередь, социальный контроль направлен на сохранение стабильности структуры сообщества, а значит – защищает положение самих клик и диад от покушений со стороны “недостойных”. Кроме того, его эффективная организация делает собеседников хранителями общих ценностей, повышая авторитет и статус каждого. В этом случае оказываются неизменно соблюдены как групповые, так и личные интересы.

В той мере, в которой идея противопоставления частных и общих интересов уступает место представлению об их специфическом сочетании при сплетничании, появляется основание к переосмыслению описываемых функций. Так как каждая из них имеет один и тот же механизм реализации – воздействие на других лиц для изменения их мнения или поведения, то можно говорить о том, что под разными наименованиями рассматривается одна и та же функция влияния, взятая изолированно в своем индивидуальном или групповом аспекте. С позиции микрогруппового уровня анализа ее более точно следует назвать функцией *взаимовлияния*, подчеркивая тем самым, во-первых, значимость совместного характера оценочного процесса в пределах отдельных клик и диад, во-вторых, роль воздействия оценок ранее образовавшихся микрогрупп на мнения возникающих позднее при передаче сплетен. При этом действие данной функции распространяется как на проявления конкурентной борьбы микрогрупп, так и на способы осуществления ими социального контроля.

Содержание следующей функции – *информирования* – не сводится нами к традиционному пониманию “пеленга новостей” [27] о личных делах отсутствующих лиц. При всей несомненной важности этого аспекта для дальнейших взаимодействий с объектами заочного обсуждения заметим, что получаемая информация касается всего сообщества. В частности, наблюдения за спецификой поведения собеседников в процессе сплетничания позволяют получить сведения о системе межличностных отношений в диадах и кликах, их статусной структуре, особенностях взаимоотношений между микрогруппами в пределах единого социального окружения, наконец, способствуют выявлению личностных характеристик самих инициаторов сплетничания, их последователей и противников.

Определенным преимуществом микрогруппового уровня анализа в сравнении с индивидуальным, где также традиционно выделяется данная функция, является обращение к динамическим аспектам информационного обмена. Входя в состав

различных клик и диад, то или иное лицо может, к примеру, в одном случае получить значимую информацию, в другом – передать ее другим, в третьем – дополнить чей-то рассказ деталями из предшествующих взаимодействий, в четвертом – “исправить” услышанное на свой лад и т.д. При этом становится доступным для исследования эффект “испорченного телефона”, характерный для многих сплетен.

Обсуждение случаев нарушения кем-либо норм поведения неперменным образом связано с актуализацией в сознании собеседников соответствующих моральных принципов, социальных ценностей и традиций, групповых требований. Поэтому следует согласиться с теми исследователями [6], которые подчеркивают значимость функции **социализации**. Усвоение системы социальных связей, отношений, ролей и норм таким “недидактическим”, косвенным способом, по-видимому, играет особую роль на сравнительно поздних этапах онтогенеза, когда возникает необходимость в переосмыслении, коррекции или отказе от накопленного ранее опыта, а не в познании базовых отношений и основ поведения.

В процессе взаимодействия сплетники неизменно демонстрируют друг другу собственную социальную компетентность, искушенность в вопросах морали, необходимую выраженность позитивных личностных качеств. Тем самым они подтверждают право на участие в совместном оценивании чужих поступков. Одновременно каждый член клики или диады не мешает соответствующему самовыражению собеседников и не препятствует их усилиям по дистанцированию от обсуждаемой “мишени”. Выделение функции **самопрезентации** позволяет сосредоточиться на описании действий, направленных на формирование благоприятного образа как самого себя, так и других субъектов сплетничания. При этом ее целесообразно рассматривать не только в рамках конкурентной борьбы, как это делалось прежде [9], но и в качестве средства повышения самооценки, персонального статуса, престижности принадлежности к группе и степени ее сплоченности.

Даже те авторы, кто склонен расценивать сплетничество как явно предосудительную деятельность, не отрицают наличия функции **развлечения**. Более того, иногда проводятся на первый взгляд неожиданные параллели между данной разновидностью коммуникации и художественными произведениями [4], схожим образом избавляющими читателей от скуки, обеспечивающими отдых от трудоемкой и монотонной работы, стимулирующими позитивные эмоции.

Действие функции **интеграции** при микрогрупповом уровне анализа охватывает не только процессы инкорпорирования того или иного ин-

дивида в социальную среду и возникновения у него отношений приятельства и своеобразной близости с постоянными коммуникативными партнерами, но и особенности укрепления социальных связей между различными кликами и диадами в пределах группы. Различные вопросы, связанные с изучением влияния сплетничания на феномены идентификации с “*Мы-группой*”, координации систем ценностей и образцов поведения, еще ждут своего разрешения. В этом плане представляется особо интересным дальнейшее изучение зависимости динамики “разделяемого базового знания” от специфики контактов микрогрупп в ходе распространения сплетен. Привычное понимание сплетничания как средства выражения групповых норм и ценностей, по нашему мнению, должно быть дополнено его рассмотрением как одного из способов изменения группой устаревших норм, традиций, идеалов и ценностей.

До настоящего времени обсуждаемый коммуникативный феномен не получил своего отражения в отечественной науке (за исключением, пожалуй, выявления Д.В. Ольшанским потенциала сплетен в политической пропаганде [1]). Учитывая, что речь идет об одном из наиболее распространенных феноменов повседневной жизни, следует признать, что сложившееся положение дел нуждается в изменении. Микрогрупповой уровень анализа социальных функций сплетничания предоставляет существенные возможности для реализации дальнейших прикладных исследований. Ведь сплетничество – это нечто большее, а нередко и совсем иное, чем пустая болтовня, проекция внутренней враждебности или бесцеремонное вторжение в частную жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе изучения совокупности критериев процесса сплетничания, представленных в научной литературе, уточнено общее понимание данного коммуникативного феномена. В частности отмечено, что любое взаимодействие такого рода а) имеет неформальный характер; б) отличается выраженностью оценочного компонента в структуре диалога; в) проявляется только в отношении отсутствующих лиц; г) протекает в условиях праздного времяпровождения; д) предполагает декларацию приверженности собеседников социальным установлениям и групповым нормам.

Подвергнуты критическому рассмотрению традиционно используемые уровни анализа проблемы социальных функций сплетничания – групповой, индивидуальный и эклектический “индивидуум в группе”. Обоснована перспективность ориентации при выявлении функционального потенциала сплетен на наиболее распространенный субъект данной разновидности коммуникации – микрогруппу (диаду или клику), включающую

тех собеседников, которые в течение конкретного временного периода последовательно входят в состав различных микрогрупп, образующихся естественным образом в пределах социальных объединений. Тем самым становятся доступными для исследования стратегии кооперации и конкуренции клик и диад, а также отношения солидарности или оппозиции их оценочных суждений, т.е. вполне поддающиеся операционализации параметры коммуникативных процессов.

С позиций микрогруппового уровня анализа приведен перечень социальных функций сплетничания, включающий в себя функции взаимовлияния, информирования, социализации, самопрезентации, развлечения и интеграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ольшевский Д.В. Политический PR. СПб.: Питер, 2003.
2. Современная западная социология: Словарь / Сост. Ю.Н. Давыдов, М.С. Ковалева, А.Ф. Филиппов. М.: Политиздат, 1990. С. 130.
3. Тернер Дж. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2003.
4. Aristides (Epstein J.). Entree nous // American Scholar. 1990. V. 59. № 1. P. 7–15.
5. Barkow J.H. Beneath new culture is old psychology: Gossip and social stratification // The adapted mind / Eds. J.H. Barkow, L. Cosmides, J. Tooby. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 627–637.
6. Baumeister R., Zhang L., Vohs K. Gossip as cultural learning // Review of General Psychology. 2004. V. 8. № 2. P. 111–121.
7. Ben-Ze'ev A. The vindication of gossip // Good gossip / Eds. R.F. Goodman, A. Ben-Ze'ev. Lawrence: University Press of Kansas, 1994. P. 11–24.
8. Blumberg H.H. Communication of interpersonal evaluations // Journ. of Personality and Social Psychology. 1972. V. 23. P. 157–162.
9. Cox B. What is Hopi gossip all about? Information management and Hopi factions // Man. 1970. № 5. P. 88–98.
10. Dunbar R. Gossip in evolutionary perspective // Review of General Psychology. 2004. V. 8. № 2. P. 100–110.
11. Eder D., Enke J. The structure of gossip: Opportunities and constraints on collective expression among adolescents // American Sociological Review. 1991. V. 56. P. 494–508.
12. Elias N., Scotson J. The established and the outsiders. L.: Frank Cass, 1965.
13. Festinger L. A theory of social comparison processes // Human Relations. 1954. № 7. P. 117–140.
14. Fine G., Rosnow R. Gossip, gossipers, gossiping // Personality and Social Psychology Bulletin. 1978. № 4. P. 161–168.
15. Foster E. Researching gossip with social network analysis. Unpublished doctoral dissertation. Temple University, Philadelphia, 2003.
16. Foster E. Research on gossip taxonomy, methods, and future directions // Review of General Psychology. 2004. V. 8. № 2. P. 78–99.
17. Gluckman M. Gossip and Scandal // Current Anthropology. Utrecht, 1963. V. 4. № 3. P. 307–316.
18. Handelman D. Gossip in encounters: The transmission of information in a bounded social setting // Man. 1973. V. 8. P. 210–227.
19. Hannerz U. Gossip networks and culture in a Black American ghetto // Ethnos. V. 32. 1967. P. 35–60.
20. Jones D. Gossip: notes on women's oral culture // Women's Studies International Quarterly. 1980. V. 3. P. 193–198.
21. Kurland N., Pelled L. Passing the word: Toward a model of gossip and power in the workplace // Academy of Management Review. 2000. V. 25. № 2. P. 428–438.
22. Kuttler A.F., Parker J.G., La Greca A.M. Developmental and gender difference in preadolescents' judgments of the veracity of gossip // Merrill-Palmer Quarterly. 2002. V. 48. № 2. P. 105–132.
23. Noon M., Delbridge R. News from behind my hand: Gossip in organizations // Organization Studies. 1993. V. 14. № 1. P. 23–36.
24. Paine R. What is gossip about: An alternative hypothesis // Man. 1967. № 2. P. 278–285.
25. Rosnow R.L. Gossip and marketplace psychology // Journ. of Communication. 1977. V. 27. № 1. P. 158–163.
26. Rosnow R., Georgoudi M. "Killed by idle gossip": The psychology of small talk // When information count: Grading the media / Ed. B. Rubin. Lexington, MA: Lexington Books, 1985. P. 59–73.
27. Rosnow R.L. Rumor and gossip in interpersonal interaction and beyond: A social exchange perspective // Behaving badly: Aversive behaviors in interpersonal relationships / Ed. R.M. Kowalski. Washington: American Psychological Association, 2001. P. 203–232.
28. Spacks P.M. In praise of gossip // Hudson Review. 1982. V. 35. P. 19–38.
29. Walker C.J. If you can't say something good, say something bad // Symposium presented at the meeting of the society for personality and social psychology. L.A., 2003, February.
30. Wert S., Salovey P. A social comparison account of gossip // Review of General Psychology. 2004. V. 8. № 2. P. 122–137.
31. Wittek R., Wielers R. Gossip in organizations // Computational and Mathematical organization theory. 1998. V. 4. № 2. P. 189–204.
32. Yerkovich S. Gossip as a way of speaking // Journ. of Communication. 1977. V. 26. P. 192–196.

GOSSIPING AS SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PHENOMENON**D. C. Gorbatov***PhD, assistant professor, head of psychological chair, International Institute of Computer Technologies, Voronezh*

Qualificational criteria of gossiping are considered. The definition of the phenomenon as a sort of evaluative interaction is proposed. The expediency of microgroup approach to the analysis of social functions of gossiping is based. Such functions as inter-influence, informing, socialization, self-presentation, entertaining, integration are described.

Key words: gossiping, evaluative interaction, informal communication, declaration, adherence to values, social functions of gossiping, microgroup approach to the analysis of social functions.